

Мир средневековой Руси, где появился на свет [будущий] великий князь Иван Васильевич, в 1530 году еще казался жителям Западной Европы чуждым и таинственным, хотя путешественники из Италии, Священной Римской империи и бывших римских провинций на Балканах и Среднем Востоке, подпавших под османское владычество, имели случай познакомиться с ним поближе. Перед началом монгольского завоевания 1238 – 1242 годов православные славяно-варяжские¹ князья Руси находились в тесных сношениях с правящими домами Норвегии, Швеции, Дании, Польши, Молдавии, Венгрии, Франции и Священной Римской империи и часто заключали браки с их представителями. Норвежский король Гарольд Гардрода женился на дочери Владимира Ярославича; первой женой великого князя Владимира Мономаха, с которой он вступил в брак в 1067 году, была дочь английского короля Гарольда Годвинсона, а киевская княжна Анна, дочь Ярослава Мудрого, в 1051 году вышла за короля Генриха I Французского².

МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ

Монгольское нашествие нарушило процесс естественного развития средневековой, или, как ее называют, Киевской Руси, но относительно характера и масштабов его влияния между историками существуют

разногласия³. Ясно, что это была болезненная рана, ведь после захвата Константинополя латинскими крестоносцами в 1204 году прошло всего тридцать восемь лет. Для православия это явилось тяжелым потрясением, так как его духовная столица оказалась в руках схизматиков, и по делам церковного управления до 1296 года приходилось обращаться в Никею.

Нашествие монголов нанесло последний удар единству Киевской Руси. Значительная часть юго-западных земель прежнего Великого княжества Киевского, включая его столицу, разрушенную захватчиками, оказалась под властью монголов, а в четырнадцатом веке была присоединена, в основном в результате войн, Великим княжеством Литовским. Таким образом, пути Киева и основанного в 1108 году князем Владимиром Мономахом города Владимира на Клязьме разошлись. О том, к чему это привело, речь пойдет ниже.

Княжества, находившиеся в орбите Владимира на северо-востоке, и Новгородская республика на севере по-прежнему имели собственных правителей, назначавшихся с одобрения монголов. Характер нового политического образования на северо-востоке определялся особенностями местных княжеств. Климат здесь был более суровым, чем в Киеве, зима длиннее, леса более густыми, зимние дни короче, но длиннее в период скоротечного лета. Люди стали стекаться сюда не так давно, и сношения с Восточной Римской империей или Центральной Европой были более затруднены. Независимый город-государство Новгород пользовался несколько большей автономией, но и он входил в состав Монгольской империи, поскольку степные владыки были очень заинтересованы в новгородской торговле.

Итак, помимо того что русские земли разделились и северо-восток утратил связь с юго-западом, значительно сократились и достаточно интенсивные контакты, которые имелись у старой правящей элиты и купеческого сословия с Восточной и Центральной Европой, если не считать городские республики Новгород и Псков, по-прежнему торговавшие с Ганзейским союзом, и едва теплившийся очаг товарообмена с Западом через Смоленск. Владимир и Москва были теперь более склонны к поиску торговых связей на Среднем Востоке. Рюриковичи больше не вступали в браки с европейскими королевскими и княжескими династиями. Заключались браки с монгольскими царственными особами, но после обращения Золотой Орды в 1340 году в ислам такие случаи стали редкими.

Монголы не селились на Руси, поскольку здесь не было условий для кочевнической жизни, основы того хозяйства, которое обеспечивало существование их бесчисленной конницы. Хан Батый сделал своей столицей Сарай, город в нижнем течении Волги, куда он время от времени вызывал русских князей, если не посылал их за получением новых ярлыков (грамот на княжение) в главный город монголов Каракорум в Монголии. Эти долгие путешествия были столь изнурительными, что некоторые князья, в их числе Александр Невский, умирали по пути туда или обратно.

Хан Монгольской империи избирался из потомков Чингисхана, принадлежавших к золотому роду. Вследствие этого они были склонны санкционировать русский принцип ограничения выборов князя рамками правящей династии Рюриковичей, потомков полулегендарного варяжского князя Рюрика, и часто соглашались с выбором, сделанным русскими, хотя и отвергали его без колебаний, если предпочитали другого кандидата. Их политика состояла в том, чтобы не допускать возвышения одного из княжеств. Задача сбора огромной дани с русских земель возлагалась на князей, впоследствии на московского князя, хотя ее размеры определяли монгольские чиновники. Подсчитано, что в конце четырнадцатого века Московское княжество ежегодно платило от пяти до семи тысяч рублей, очень крупную сумму, учитывая, что это финансовое бремя не было единственным⁵.

Историки много спорили о масштабах тех материальных разрушений, которые принесло с собой монгольское нашествие, о характере монгольского влияния на общественное и политическое развитие России и о степени ответственности монголов за известную отсталость России в шестнадцатом веке. Для того чтобы понять, как это бедствие с самого начала повлияло на русских, необходимо учитывать множество факторов: его внезапность, разрушение экономики, уменьшение численности населения в силу истребления и порабощения людей, увода потенциальных солдат и ремесленников; утрату профессиональных навыков, разграбление городов и разорение полей. Все это грянуло как гром среди ясного неба и повторялось в тех случаях, когда монголы считали нужным напомнить русским об их зависимом положении. Князьям, которые были, вероятно, более защищены от самых тяжелых последствий завоевания, приходилось выкручиваться, интриговать, обманывать и заниматься подкупом, чтобы чего-либо добиться, подчиняться требованиям своих хозяев, в общем, терпеть унижение.

Конечно, авторы большинства современных русских письменных источников неприязненно относятся к этому народу, который они рассматривают как жестоких и беспощадных угнетателей, иноверцев, потомков Измаила или сынов Агари⁶.

Тем не менее русские и монголы часто бывали союзниками на ратном поле, вступали во взаимные браки и, судя по их отношениям в шестнадцатом веке, не питали расовой ненависти друг к другу. К тому же русский улус⁷ был небольшой и сравнительно маловажной частью обширных владений, принадлежащих Золотой Орде. Основная политическая и дипломатическая активность ханов была связана с Востоком — первоисточником их силы. Изображение монголов этого времени как варваров, живущих в шатрах, не вяжется со сложной системой имперского управления западного типа в низовьях Волги, где находился Сарай, город с мощными улицами, и где пребывал пышный двор. Здесь были мечети для монголов-мусульман и русский епископ, справлявший требы для своих земляков — ремесленников и солдат — на монгольской службе; были и караван-сарай, принимавшие многочисленных купцов.

Однако со второй половины четырнадцатого века монгольское владычество на Руси было ослаблено распрями внутри Золотой Орды. Победа Дмитрия Донского, великого князя Владимирского и Московского, при поддержке других князей над монголами в 1380 году на Куликовом поле повысила престиж Москвы среди русских князей, хотя монголы взяли реванш при Тохтамыше, разрушившем в 1382 году Москву. Тохтамыш и его русские союзники были, в свою очередь, разбиты Тамерланом, который совершил поход на Сарай со своей базы в Самарканде, но воздержался от разорения Москвы. В начале пятнадцатого века Золотая Орда распалась на Крымское и Казанское ханства и Большую Орду. Два сына хана Золотой Орды Улуг-Мехмеда стали вассалами великого князя Василия II и основали под покровительством русских Касимовское ханство на реке Оке. Его правитель-монгол помог Василию II вернуть себе трон в ходе русских гражданских войн 1430 — 1436 и 1445 — 1453 годов, разразившихся вследствие противоречия между традиционным русским принципом престолонаследия по боковой линии (к ближайшему по старшинству брату) и наследованием от отца к сыну — этот порядок и утвердился в результате борьбы⁸.

Как раз в обстановке непрерывных стычек и смут, в ходе которых

заклю­ча­лись и раз­ры­ва­лись сию­ми­нут­ные сою­зы, в 1480 го­ду про­изо­шло ре­шаю­щее столк­но­вение на ре­ке Угре ме­жду по­сле­ды­ша­ми Боль­шой Орды, их со­ю­з­ни­ка­ми из Кры­ма и Поль­ско-Литов­ско­го го­су­дар­ства, и мос­ков­ским вой­ском и его со­ю­з­ни­ка­ми-мон­го­ла­ми из Казан­ско­го, Астра­хан­ско­го и Каси­мов­ско­го ханств во гла­ве с Ива­ном III, ве­ли­ким кня­зем Мос­ков­ским.

Соб­ствен­но сра­жения не было, так как про­тив­ни­ки от­вели свои си­лы, не всту­пив в бой. Но с это­го вре­мени Москва пе­ре­ста­ла рас­сма­три­вать мон­го­лов в ка­че­стве своих сю­зе­ре­нов, хотя и про­дол­жа­ла со­би­рать дань внут­ри Рос­сии и раз­да­вать ее в ка­че­стве по­дар­ков среди своих та­тар­ских со­ю­з­ни­ков в бо­лее скром­ных раз­ме­рах⁹. Пред­во­ди­тель­ство Мос­квы в хо­де двух круп­ней­ших столк­но­вений ме­жду рус­скими и мон­го­ла­ми, на Ку­ли­ковом по­ле в 1380 го­ду и на ре­ке Угре в 1480 го­ду, а так­же ее по­бе­да в гра­ждан­ских вой­нах пят­на­д­ца­того ве­ка уси­ли­ли пред­ста­вление рус­ских о том, что Ве­ли­кое кня­же­ство Вла­ди­ми­ро-Мос­ков­ское ста­ло главен­ству­ю­щим на Руси, а Ива­н III по­сте­пен­но ус­та­но­вил свою власть (са­мо­дер­жа­вие) над ос­та­ль­ны­ми не­за­ви­си­мы­ми рус­скими кня­же­ства­ми, в том чис­ле фор­маль­но и теми, ко­то­рые вхо­ди­ли те­перь в со­став Ве­ли­кого кня­же­ства Литов­ско­го (см. ниже). Бо­го­слов­ское тол­ко­вание этой по­бе­ды так­же служило воз­вы­ше­нию Мос­квы, ибо, как вы­ра­жал­ся автор твер­ско­го «Ска­зания о прес­та­влении в Орде Ми­ха­ила Яро­сла­ви­ча Твер­ско­го»: *«Бог от­дал Ие­ру­са­лим Ти­ту не по­то­му, что любил Ти­та, но ра­ди на­ка­зания Ие­ру­са­ли­ма»*. По­бе­да дос­та­лась Мос­кве ра­ди на­ка­зания не­вер­ных¹⁰.

Ока­за­ло ли мон­голь­ское иго ка­кое-то влия­ние на про­цесс фор­ми­ро­вания мос­ков­ско­го аб­со­лю­тизма? В ос­нове пред­ста­влений мон­го­лов о миро­по­ря­дке ле­жала идея вселен­ской им­пе­рии, уч­ре­жден­ной Бо­гом, по­это­му про­тив­сто­ять мон­голь­ско­му вой­ску, как они ду­ма­ли, было бес­по­лез­но. По­сле ос­но­вания все­мир­ной им­пе­рии мон­го­лов все долж­ны были служить ей. Глав­ные прин­ци­пы мон­голь­ско­го пра­вления были за­пи­саны в Ве­ли­кой Ясе, сво­де за­ко­нов, при­пи­сы­ва­емом Чин­гис­хану и тре­бо­вав­шем, что­бы все под­дан­ные служили в вой­ске или ад­ми­ни­ст­ратив­ном ап­па­рате. Их дол­гом было так­же за­бо­тить­ся о боль­ных и ста­ри­ках, ока­зы­вать гостепри­им­ство, пред­ста­влять своих дочерей на кон­курсы крас­оты, где «лу­но­ли­ких дев» из­би­ра­ли в же­ны или на­лож­ни­цы для пра­ви­те­лей¹¹. Здесь рас­сма­три­ва­лись так­же во­про­сы гра­ждан­ско­го, торго­вого и уго­лов­ного пра­ва и прес­ту­пления про­тив ре­ли­гии, мо­ра­ли и су­ществую­щих обы­чаев. Ча­ще всего они ка­ра­лись смер­тью.

Посещавшие Сарай русские люди были знакомы с практикой монгольского управления и этикетом монгольского двора; они выучивали тюркское наречие, а монголы, вероятно, в какой-то степени усваивали русский. Русских больше всего угнетал, по всей видимости, произвол со стороны монголов, но эта практика раболепия приготовила их, быть может, к той покорности, которую они якобы демонстрировали по отношению к московским царям. Более того, монголы дали русским великим князьям и многим удельным князьям жестокий урок повиновения: в промежутке между 1308 и 1339 годами восемь князей были казнены в Орде, в том числе четыре великих князя Владимирских¹².

Присутствие монголов на Руси не было повсеместным; оно ограничивалось определенным числом чиновников, сборщиков дани, вербовщиков и конных отрядов. Однако в шестнадцатом веке многие русские княжеские фамилии гордились своим происхождением от монгольских царевичей (ханских сыновей) и других знатных персон. Царевичи, ведшие свой род от Чингисхана, превосходили знатностью других московских князей и вплоть до угасания династии Рюриковичей либо считались рангом выше их, либо шли непосредственно за ними. Русские аристократы могли кичиться своей принадлежностью к правящим семьям монголов, умалчивая о рядовом в действительности происхождении¹³.

Сейчас трудно в точности судить о характере монгольского влияния, которое длилось более двух столетий. Золотая Орда за это время сама пережила много перемен, в том числе такую радикальную, как обращение в ислам. Во всяком случае русская аристократия имела довольно тесные контакты со степняками и в процессе этого взаимодействия неизбежно усваивала многие из их обычаев, представления о задачах государства, о природе правления, об отношениях между сеньорами и вассалами, хозяевами и слугами. Эти следы сегодня не так-то легко обнаружить.

Особое значение для формирования русских нравов имели два аспекта этих контактов: непомерная жестокость, от которой угнетенные страдали в ходе репрессий и которую перенимали, знакомясь с практикой наказаний в Золотой Орде; и отсутствие упорядоченной судебной системы (византийские обычаи, как правило, не соблюдались). Нельзя сказать, что русские князья Рюриковичи (как и их предки викинги) чуждались варварской жестокости, но во многих случаях, зафиксированных в летописях, ее проявления подвергались недвусмысленному осуждению как недопустимые в христианской стране.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

Во время нашествия на Русь в тринадцатом столетии монголы были язычниками и демонстрировали терпимость по отношению ко всем религиям¹⁴. Русская Церковь не пострадала при монголах, но это не повлияло на ее неприятие ислама, в который монголы обратились в 1340 году. Высшие служители церкви в силу необходимости поначалу почти полностью рекрутировались из греческого духовенства, представители которого приезжали из Византии. Они причислялись к *черному* духовенству, то есть являлись монахами, приносящими обет безбрачия. Приходские священники, принадлежавшие к *белому* духовенству, были обязаны вступать в брак. Митрополитов избирал и посвящал в сан патриарх Константинопольский, а те, в свою очередь, назначали и рукополагали священников.

Церковь жила за счет пожертвований и взносов, судебных поступлений с территорий, находившихся под ее юрисдикцией, за счет доходов от первоначальных пожалований земельной собственности, которая постоянно росла благодаря княжеским и боярским дарениям на поминование усопших, а также за счет монастырских приобретений. Во множестве основывались церкви и монастыри, самым знаменитым из которых был Киево-Печерский. В 1337 году недалеко от Москвы Сергием Радонежским был заложен Троицкий монастырь, уединенная обитель в Заволжье; впоследствии он превратился в крупнейшего земельного собственника на Руси и окружил свои многочисленные церкви мощными крепостными стенами. Другим монастырем, основанным подобным же образом, был Кирилло-Белозерский (чудотворца Кирилла Белозерского), который, в свою очередь, привел к появлению многих аналогичных поселений на Севере. Намного севернее находились Соловки, огромный укрепленный монастырь на Соловецких островах в Белом море, использовавшийся еще и как тюрьма и при Иване IV, и при следующих царях, и при коммунистическом режиме.

Монахи и монастыри играли на Руси заметную культурную роль. Монахи были писцами, составляли послания, переписывали и украшали рукописи; они собирали материалы для летописей и написали многие из них; они основывали скриптории, писали иконы и фрески, занимались обучением и лечили больных, помогали бедным, больным и обездоленным. Служители церкви осеяли своим присутствием все важнейшие события человеческой жизни: рождение, брак и, разумеется, смерть.

Монастыри были местами паломничества. В них вкладывались большие суммы, чтобы монахи молились за упокой души умерших (хотя православная церковь не признает существования чистилища) и поминали усопших в ходе праздничной службы в дни их святых покровителей. Женские монастыри брали на себя заботу о женщинах и девочках, здесь их учили ткать и вышивать. Братьев-проповедников* на Руси не было. Монахи строили церкви и отвечали за их украшение иконами и фресками, а также за защиту монастырей разветвленными системами укреплений. Как и в Западной Европе, поначалу монахи жили бедно и соблюдали строгий устав, но постепенно общины богатели, и их рвение угасало. На пользу монастырям шло уважение, выказываемое монголами к церкви, монахи не платили налогов и молились за своего мусульманского владыку.

Церковь играла на Руси также важную политическую роль. После того как монгольское нашествие разделило Киевскую Русь на две части, церковь была единственной общерусской организацией. Наконец, митрополит Киевский и Всероссийский (таков был его первоначальный титул) на протяжении длительного времени был, помимо прочего, церковным главой всех православных, живущих в соседнем Великом княжестве Литовском, хотя его престол в 1299 году переместился из Киева во Владимир, а впоследствии в Москву.

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

Необходимо сказать несколько слов о сложных взаимоотношениях двух великих держав — Московской Руси и Великого княжества Литовского. Киевская Русь занимала большую территорию по обоим берегам Днепра, но в результате монгольского нашествия значительная часть ее территории была утрачена. В конечном счете к основным литовским землям, воеводствам, или провинциям, Троцкому и Виленскому, составлявшим главное ядро Великого княжества Литовского, постепенно прибавились бывшие русские княжества на востоке и на юге, присоединенные или поглощенные благодаря действиям нескольких умелых правителей. Полоцк оказался в руках литовцев в 1307 году, когда пресеклась местная династия Рюриковичей; в 1362 году у монголов был отвоеван Киев, а при великом князе Витовте (1393 — 1430) литовское продвижение продолжи-

---

* Т.е. странствующих орденов.

лось в правобережье Днестра и достигло Черного моря, где было остановлено монголами в 1399 году. На востоке Литва включила в себя все территории в среднем бассейне Днепра, расширяясь от старокиевского княжества Смоленского к Луцку.

Все эти земли принадлежали теперь Гедиминовичам¹⁵, литовским князьям, возводившим свой род к Рюрику, которые располагали как своими родовыми владениями, так и новыми землями, полученными ими в качестве великих князей Литовских. Государственным языком был один из славянских диалектов. Подобно Киевской Руси, власть в Великом княжестве Литовском не переходила автоматически от отца к сыну: здравствующие родные или двоюродные братья правящего князя зачастую заявляли о своих притязаниях на престол, так что кровавые междоусобные войны были нередки. Сношения с Московской Русью были довольно тесными, хотя и не всегда дружественными. Новгородцы часто приглашали князей из Литвы; недовольные литовские князья могли покидать своих государей и переходить к русским, а также возвращаться обратно в Литву, при этом они забирали с собой свои земли или получали новые пожалования. Фактическое объединение русских земель вполне могло состояться под водительством литовских государей. Решающие события, повлиявшие на судьбы Польши, Литвы и Руси, развернулись в 80-е годы XIV века. Договор 1384 года предусматривал заключение брака между язычником Ягайло, великим князем Литовским, и дочерью великого князя Дмитрия Ивановича Донского, великого князя Владимиро-Московского. Этот брак не состоялся. В 1384 году Ягайло обратил свои помыслы на Запад и принял католическую веру, с тем чтобы взять в жены наследницу престола католической Польши Ядвигу. При этом вероятность того, что Русь объединится вокруг мощного ядра литовских, преимущественно православных, и бывших русских земель, а не вокруг Москвы, была навсегда утрачена. Династический союз Польши и Литвы исключал возможность соединения Литвы с Русью, хотя великий князь Московский Василий I и женился позднее на Софье, дочери Витовта Литовского. При жизни Витовта (он умер в возрасте восьмидесяти лет) сохранялась некоторая стабильность, но после его смерти в 1430 году постоянные распри между ветвями литовского княжеского рода вкупе с гражданскими войнами в Московской Руси привели к тому, что многие князья с обеих сторон по религиозным или политическим мотивам стали переходить в чужое подданство.

Хотя литовская уния с католической Польшей поначалу была чисто династической, она породила религиозные противоречия на землях Великого княжества, с приходом Реформации еще более обострившиеся. Конфликт между Гедиминовичами, литовскими потомками Рюрика, и московскими князьями Рюриковичами¹⁶ в значительной степени на многие годы превратился во внутрдинастический спор за наследство, причем обе стороны обращались за помощью к внешним силам, в частности к Ливонскому ордену¹⁷, или чаще к монгольским и крымским ханам — последние откололись от Золотой Орды. Эти силы, разумеется, преследовали свои собственные цели. В шестнадцатом веке на сторону Руси литовских князей приводили антикатолические и антипольские настроения (подпитываемые Реформацией), а русских князей в Литву влекло растущее здесь влияние магнатов, заседавших в сейме и в *сеймиках*¹⁸, ущемлявшее королевскую власть. Великих князей Владимиро-Московских (таков был официальный титул княжения) привлекала надежда на династический союз с Великим княжеством Литовским, позволявший вернуть киевские земли на юге, и об этом помнили как Иван III, в 1495 году выдавший свою дочь Елену за великого князя Литовского Александра, так и Василий III, который воспользовался выборным характером польско-литовской центральной власти, чтобы выдвинуть свою кандидатуру на престол после смерти Александра в 1506 году¹⁹.

Великие князья Литовские время от времени пытались добиться от патриарха Константинопольского разрешения на учреждение независимой митрополии Киево-Литовской или Киево-Малороссийской (Малой Россией называли южные приграничные территории), чтобы положить конец религиозной зависимости своих православных, большей частью русских, подданных от Москвы, но добивались лишь краткосрочного успеха. Многие действительно властные и влиятельные русские митрополиты использовали свой политический вес, а иногда и духовный авторитет для поддержки притязаний великих князей Московских в Сарае на господство над оставшимися независимыми русскими княжествами.

ЦЕРКОВНАЯ УНИЯ И ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Османский натиск в Анатолии и на Балканах побудил наследников Восточной Римской империи искать союзников на Западе и склоняться к соединению католической и православной церквей, разделившихся

в 1054 году. Вопрос об унии был поставлен на церковном соборе 1433 года в Базеле и снова поднят в 1438 году в Ферраре. Митрополит всея Руси, грек по имени Исидор, был назначен патриархом Константинопольским, но русские епископы не одобряли этот выбор и выдвинули на этот пост некоего Иону. Исидор, по всей видимости, склонялся к принятию доводов латинян относительно пункта *filioque* в символе веры, в котором речь шла о нисхождении святого духа в католическом варианте от Отца и Сына, а в православном — только от Отца, а также к унии между Восточной и Западной Церквями. В 1439 году, во время эпидемии чумы, собор переехал во Флоренцию, где был подписан акт о воссоединении с Римом (июль). В Константинополе и на Руси уния не пользовалась популярностью, а военной помощи восточному императору в борьбе против турок она не принесла (правда, митрополит Исидор получил кардинальскую шапку). Исидор вернулся в Москву в 1441 году, но и уния, и новый кардинал были в конце концов отвергнуты великим князем Василием II, так что Исидор бежал в Литву, а оттуда — в Рим. Церковная и светская власть в Константинополе были в смятении, и великий князь Московский Василий пытался утвердить первоначально избранного русского епископа Иону на митрополичьем престоле. Василий, однако, был поглощен перипетиями гражданской войны со своим двоюродным братом, в ходе которой он был ослеплен и вернулся на трон только в 1447 году. Наконец в декабре 1448 года Иона был назначен митрополитом Киевским и всея Руси, включая Литву и Малороссию, волей четырех русских епископов и Великого князя Владимиро-Московского без какого бы то ни было участия патриарха Константинопольского. Русская православная церковь, таким образом, избавилась от опеки Константинополя и стала автокефальной, что имело далеко идущие последствия.

Отказ Руси от церковной унии 1439 — 1441 годов углубил культурный разрыв между греками и латинянами. Другая великая катастрофа, падение Константинополя в 1453 году — также повлияла на взаимоотношения великого князя и Русской православной церкви. Император Мехмед II, воцарившийся в Константинополе, не был православным государем, так что связь между церковью и светской властью не могла рассматриваться как «симфония» двух равноправных сил. И если Русская православная церковь стала теперь автокефальной, то Великое княжество Московское оказалось самым могущественным

и богатым православным царством, способным потягаться с Церковью. Патриарх, по-прежнему находившийся в османском Константинополе, не имел реальной власти. Как единственная независимая суверенная православная держава (не считая союзной Молдавии), Русь могла заполнить пробел. Падение Константинополя неизбежно вело к громадному росту престижа великого князя Московского в православном мире. Русская православная церковь, опираясь на идею *translatio imperii*^{*}, обретала авторитет византийской власти для своей автокефалии во главе с митрополитом Московским.

Идея *translatio imperii*, то есть переноса религиозной столицы православного мира в Москву (хотя о политическом переносе речь не шла), кроется за титулами царя и самодержца, периодически использовавшимися Иваном III. Этот перенос не произошел сам собой сразу после падения Константинополя — утверждение Руси в ее новом статусе происходило постепенно, по мере ее освобождения от пережитков монгольского ига. Можно было говорить, что, как Константинополь понес наказание от Господа за его отпадение к латинской церкви, так и Москва была вознаграждена за ее отказ от унии. В последние десятилетия пятнадцатого века Москва иногда стала оказывать финансовую помощь православной церкви Османской империи.

Первым поборником новой теории о Москве как третьем Риме стал митрополит Зосима, изложивший ее в прологе к новой Пасхалии, то есть календаре церковных событий на следующее тысячелетие, начинающееся с 1492 года. Календарь составлен в этом же году. Зосима пишет, что император Константин основал город, названный в его честь Константиновым, город Царьград, новый Рим, а теперь Бог благословил нового Константина (Ивана III) и новый город Константина Москву. Следующий этап эволюции религиозного статуса Москвы наступил в правление Василия III²⁰.

УПРОЧЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ МОСКВЫ

Во второй половине пятнадцатого века взаимоотношения великого князя и удельных князей также претерпели изменения. Дистанция между ними увеличилась. Иван III постепенно присоединил к Московскому княжеству большинство оставшихся независимыми террито-

---

^{*} Перенос императорской власти (лат.).

рий, князья которых еще сохраняли часть своих суверенных прав. Его главным достижением был разгром свободной республики Господин Великий Новгород в результате двух военных походов 1471 и 1478 годов. С помощью своих татарских и тверских союзников Иван III разбил новгородцев и казнил их предводителей в 1471 году, принудив побежденных заплатить большую дань, подчиниться Москве и отказаться от прямых сношений с иностранными державами, то есть с Литвой. В 1478 году Иван нанес еще один удар. Разбитые новгородцы простились со своим правом выбирать для себя князей, признали верховенство Ивана III, лишились своего главного колокола, звоном которого сзывали народ на вече, а впоследствии подверглись массовой конфискации частных и церковных земель и переселению больших групп горожан. Великий князь сконцентрировал в своих руках огромные земельные богатства, часть из которых он использовал для раздачи в качестве пожалований за военную службу — поместья (отсюда слово помещик, то есть земельный собственник). Он присоединил силой и Тверское княжество в 1481 году.

Тверь была крупнейшей соперницей Москвы с начала четырнадцатого века, и на протяжении пятнадцатого века она продолжала считать себя таким же великим княжеством, как и Московское. Ее интересы выражал монах Фома, участвовавший от имени Твери на Ферраро-Флорентийском соборе. По его мнению, тверской великий князь Борис Александрович был избранником Божьим. Он был самодержцем, увенчанным царской короной, а его город — новым Израилем или новым Иерусалимом. Именно князь Борис Александрович применил для обозначения своей власти формулу, аналогичную той, которую использовал и Иван III, а позднее и Иван IV: «Я, великий князь Борис Александрович, жалую кого хочу, казню кого хочу»²¹. Это сходство заставляет предположить, что такая формулировка выражала общее представление о правах суверенного государя, а не только московского князя. Тот же Борис Александрович Тверской, главный соперник Ивана III, имел прозвище Грозный, а словосочетание «грозные очи» было эпитетом, прилагавшимся и к другим князьям, в частности, в трогательном плаче о разорении Руси после кончины великого князя Ярослава. Он относится к периоду монгольского завоевания и описывает красу русской земли, ее великие города, ее монастырские вертограды, ее храмы Господни, ее *грозных князей* (выражение, использовавшееся Иваном IV),

ее честных бояр и пр. Слово «грозный», вероятно, принадлежит к числу тех многих, значение которых со временем менялось. Поэтому мы не можем сказать, каков был его точный смысл в эпоху, когда жил его самый знаменитый носитель Иван IV²². Но между понятиями «ужасный» и «грозный» есть некоторая разница: ужасный сам по себе страшен, а грозный внушает страх²³.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ

Ближайшими источниками, из которых киевские политики могли черпать свои представления о природе правления и правах правителей, были ветхозаветные истории об Израильском царстве и о Давиде и Соломоне, причем Владимира уподобляли первому, а Ярослава — второму. Кроме того, использовались сведения Нового Завета о правлении Ирода и о взаимоотношениях Иудейского царства с Римской империей. Теоретические представления о том, что всякая власть исходит от Бога, и о том, что она связана с авторитетом Церкви, пришли из Восточной империи позднее, с появлением, начиная с двенадцатого века, переводов на церковнославянский язык таких сборников византийской премудрости, как «Мелисса».

Перемена статуса великого князя Владимиро-Московского Ивана III по отношению к остаткам Золотой Орды и другим иностранным державам, а также к прочим ранее независимым русским князьям существенно повлияла на его понимание собственной власти. После падения Константинополя и стояния на Угре он принял титул самодержца, то есть независимого государя, уже использовавшийся Борисом Александровичем Тверским.

Слово «самодержавие» переводят на иностранный язык как «автократия», что лингвистически, конечно, близко к первоначальному греческому понятию, но совершенно не соответствует смыслу русского понятия, употреблявшегося в шестнадцатом веке и означавшего власть суверенного правителя, не имеющего над собой верховного господина²⁴.

Однако хотя внутривластный характер власти Ивана III оставался все еще неопределенным, постепенно она становилась все более авторитарной и даже деспотической. Эти подспудные изменения получили поддержку Русской церкви.

На протяжении известного времени Церковь служила политическим целям Московского княжества (положение которого обещало ей наилуч-

шую поддержку) и стремилась повысить его влияние и власть, используя византийские образцы. Ее заботила не столько природа власти, сколько ее практическое применение, не столько политическая, сколько моральная сторона дела. Такую позицию усматривают в сочинениях Иосифа Волоцкого, игумена Волоколамского монастыря, которого часто называют отцом российского абсолютизма. Он сформулировал свою точку зрения на великокняжескую власть и взаимоотношения между правителем и народом одним из первых. Но Иосиф не был безоговорочным сторонником абсолютной власти правителя. По его мнению, источником власти был Бог, который наделял ею князя. Но если последний давал себя увлечь дурным страстям — гневу, стяжательству, нечестию, гордыне, жестокости и неверию — *«тогда он становился слугой дьявола, а не Бога, не царем, а мучителем»* (это перевод греческого слова «тиран»). Такому царю можно было не повиноваться. Истинный царь должен был блюсти интересы земли. Согласно Иосифу, священной может быть власть, но не человек, который не всегда ее достоин. К тому же власть имеет свои пределы, определяемые в соответствии с *заповедями и правдой*.

Представление о двух ипостасях царя, восходящее к византийскому диакону Агапиту, было введено в обиход русской религиозно-политической мысли в начале двенадцатого века и стало появляться в самом неожиданном контексте²⁵. В надгробной речи по случаю смерти Василия III в 1533 году оратор восклицает: *«Мы знаем, что Государь естеством телесным равен всем людем; но властью не подобен ли Богу единому! Неприступен во славе земного Царствия; но есть вышнее, небесное, для коего он должен быть приступен и снисходителен к людем. Телу дано око, а миру царь, да промышляет о благе его. Царь истинный царствует над страстями, в венце святого целомудрия, в порфире закона и правды»*²⁶.

Проповедник почти слово в слово повторяет слова Агапита²⁷. Иосиф умер в 1515 году, но его последователи позднее разработали на основе его идей систематическое обоснование абсолютной власти правителя, дарованной Богом.

ДВОР

Постоянное усложнение задач управления в ходе постепенного присоединения великим князем Московским русских земель привело к значительному росту его двора, где принимались теперь решения, оп-

ределяющие судьбы всего царства. Тем не менее следует восстановить реальную картину взаимоотношений набирающего силу великого князя с представителями политической и социальной элиты, с магнатами из его окружения, принимавшими новые правила игры. Княжеский двор, по словам одного из ведущих русских историков этой эпохи А.А. Зимина, был основной социальной силой, на которую опиралась власть московских государей. Дворы существовали и раньше, они сохранялись на протяжении какого-то времени в некоторых удельных княжествах, чьи главы еще имели собственных бояр. Но двор великого князя поставлял теперь военачальников и административный персонал для всей страны.

Вероятно, именно в это время, по мере постепенного присоединения большинства удельных княжеств, сопровождавшегося утратой суверенитета бывшими владетельными государями, великие князья Владимирские и Московские стали официально называть все русские земли своей вотчиной, то есть наследственной собственностью²⁸. Удельным князьям принадлежали управляемые ими уделы, в которых они располагали суверенной финансовой и судебной властью. При поглощении уделов эта власть переходила к московским князьям, использовавшим ее в полной мере. Этот интеграционный процесс на протяжении определенного времени был главной внутренней административной задачей, стоявшей перед великими князьями Московскими. Советские и западные историки обычно описывают его как процесс «централизации русского государства»²⁹. Он заключался в равномерном распространении финансовой, военной и судебной власти великого князя по всей стране, в то время как большинство населения было неграмотно, коммуникации замедлены и затруднены, сопротивление этой власти довольно ощутимо, а государственная машина почти не развита. Эта проблема тогда (в пятнадцатом — шестнадцатом веках) являлась общей для большинства европейских стран, причем во многих из них власть была еще менее централизованной, чем в России, вследствие особенностей их политического устройства (как в Польше-Литве), раздробленности (как в Германии), религиозных войн (как во Франции и Нидерландах) или династического и местного сепаратизма (как на Иберийском полуострове). Наибольшего прогресса в этом отношении достигли Османская империя и Англия, где власть захватили новые династии, расширившие при этом права короны.

На вершине социальной пирамиды, образовавшейся в результате слияния княжеств, стояли удельные князья Северо-Восточной Руси, унаследовавшие власть от своих предков Рюриковичей и иногда располагавшие определенным суверенитетом на своих землях; они даже могли претендовать на великокняжеский трон. Сходное положение занимали «верховские» приокские князья, которые были вассалами великих князей — как Рюриковичей, так и Гедиминовичей — в западнорусских землях, граничащих с Литвой (а иной раз и входящих в ее состав)³⁰. Они могли поступать на службу со своими собственными военизированными отрядами и пользоваться большей независимостью во внутренних делах, чем московские князья; таковы были бывшие удельные князья Суздальские (Шуйские, Ростовские, Ярославские и др.). Существовала также нетитулованная знать, первое место среди которой занимало старомосковское боярство, поставлявшее высших военных и гражданских начальников и соперничавшее в борьбе за места и чины с нетитулованной знатью из других княжеств. Аристократия в целом была значительно ослаблена вследствие обычая раздельного наследования, в силу которого число титулованных особ непрерывно росло, а имущество постоянно распределялось и перераспределялось между отпрысками одного рода до тех пор, пока было что делить. Нехватка наследуемых титулов, связанных с должностями, и наследуемых должностей всякого рода³¹ также существенно ослабляла аристократию и мешала ее сплочению в политический класс, стоящий выше клановых интересов. Боярские титулы не были наследуемыми, хотя члены семьи имели право заявить о своих претензиях на титул. Его реализация зависела от милости царя. Титул князя не мог быть пожалован, все князья имели его по праву рождения, и все их дети наследовали его. Посты в служебной и придворной иерархии распределялись по праву местничества, речь о котором пойдет ниже³².

Наконец, существовала еще такая категория, как *дети боярские*, которых мы для удобства будем называть здесь служилым дворянством. Это была смешанная группа, первоначально состоявшая из потомков княжеских и знатных родов, до такой степени умножившихся, что нужда заставляла их наниматься на службу за довольно низкую плату. Также в нее входили мелкие помещики, иноземцы и переселенцы из других княжеств, получавшие земельные наделы за службу; иногда поповские дети и даже бывшие холопы³³.

УЧРЕЖДЕНИЯ

Отличительной чертой политической структуры России было отсутствие устойчивых институтов. По существовавшей издавна традиции князья собирались на совет со своей дружиной, поэтому свита великого князя должна была принимать участие в выработке рекомендаций для него от имени Русской земли³⁴. Семьи князей и нетитулованной служилой высшей знати имели общее название «боярские», и этот сан постепенно стал отождествляться с членством в великокняжеском Совете — органе, образовавшемся из состава высших придворных. Обычай управления с помощью Совета был традиционным и в шестнадцатом веке еще сохранялся в некоторых удельных княжествах. У великой княгини Софьи, как и у многих удельных князей из правящей фамилии, был свой собственный Совет.

О княжеском Совете нам известно очень мало, так как записей о его составе, функциях, о протекавших в нем обсуждениях и принятых решениях, о деятельности его участников в тот или иной период и о том, имел ли он какой-то законодательный статус, не осталось. Члены Совета назначались великим князем и на начальной стадии его существования, в конце пятнадцатого века, делились на две категории: к высшей относились собственно бояре, а ко второй — окольные (от слова «около», или «близко», то есть ближние к государю люди). Это звание начинает употребляться в тринадцатом веке, иногда вместе с другими придворными чинами, такими, как чашник³⁵. Окольных было немного, и, по сведениям Герберштейна, это была должность вроде претора или судьи, который неотлучно находился при государе³⁶.

Иван III внес много изменений в систему русских титулов и званий, что свидетельствует о выработке продуманной концепции и, возможно, было связано с его женитьбой на племяннице последнего восточноримского императора Константина Палеолога. Довольно часто, хоть и не всегда, Иван примерял к себе титул царя (Цезаря), что можно истолковать как притязание на императорский статус. После того как Константинополь лишился православного царя, русский князь мог претендовать на религиозное главенство и почти наследственное право носить титул императора (*translatio imperii*). Он принял, быть может, в подражание Габсбургам эмблему в виде двуглавого орла (некоторые считают его гербом Палеологов) и изображал его на своих монетах. Князь прибавил к своему титулу словосочетание «всея Руси», отражаю-

щее его притязания на суверенитет над всеми русскими княжествами, а следовательно, и право на возвращение себе тех княжеств Киевской Руси, которые принадлежали теперь Литве. Он сумел даже включить признание этих требований в договор с великим князем Литовским 1494 года³⁷. Иван III прибавил к своему титулу длинный перечень различных царств и княжеств, на которые простиралась его власть. Этот факт часто истолковывают как саморекламу парвеню среди европейских коронованных особ, но скорее всего, это было подражание распространенной в Европе практике³⁸.

Великий князь Иван III решительно настаивал на своей полной независимости от какой бы то ни было церковной или светской инстанции, что проявилось и в одном конкретном случае, часто рассматривавшемся как образчик русской надменности, но на самом деле вполне объяснимом. Когда имперский посланник Николай Поппель в 1489 году предложил Ивану III от имени своего государя, императора Фридриха III, королевский титул в качестве стимула для вступления в союз против Порты, великий князь ответил, что он и его предки были хозяевами в своих землях с незапамятных времен и что их владения были дарованы Богом, так что он не нуждается в помощи императора³⁹. Россия, впрочем, никогда не входила в состав Священной Римской, как и Восточной Римской империи. Теперь она, кстати, избавилась и от власти монгольских императоров.

СОФЬЯ ПАЛЕОЛОГ

Труднее точно установить, как далеко простиралось личное влияние самой Деспины — Софьи Палеолог⁴⁰. Многие из русских историков отрицали возможность такого влияния, исходя, как можно судить сегодня, из ложно патриотических соображений⁴¹. Лишившись своей первой жены, княгини Марии Борисовны Тверской, Иван III стал присматривать новую невесту. Сначала разговор шел о саксонской принцессе, но после падения Константинополя племянница византийского императора, даже покойного, была выгодной партией, которая могла возвысить семью Великого князя Московского над всеми соперниками и прочими ветвями его рода и укрепить его авторитет на международной арене. Софья, как ее звали в Москве, была дочерью Фомы, брата и правопреемника Константина Палеолога, последнего восточноримского императора, павшего под стенами Константинополя в 1453 году. Ее отцом был деспот Морей, который умер в 1460 году в

Риме, оставив, кроме дочери, еще сына Андрея. Софья родилась в 1440 или 1449 году и выросла также в Риме, и, хотя она по рождению была православной, возможно, ее воспитали в католической вере. Инициатива брака исходила от папы Павла II, который выдвинул ее через кардинала Виссариона Никейского, сторонника церковной унии⁴². Излишне говорить, что папа рассчитывал обеспечить себе помощь со стороны Ивана III в качестве сильного союзника в войне против турок и привлечь его в лагерь унии. Согласие было вскоре достигнуто, и в июне 1472 года Софья выехала из Рима. В сопровождении большой свиты она совершила путешествие по суше и по морю и добралась до Пскова, где по случаю ее прибытия был устроен торжественный обед. Здесь впервые дали о себе знать трения между латинянами и греками, когда ее спутник, кардинал Антонио Бонумбре, велел нести перед собой распятие. (В эту эпоху русские не изображали на распятиях тело Христово.)⁴³ Для Софьи публичные аудиенции были явно не в новинку, и она сумела отблагодарить псковичей за теплый прием. В Москву она прибыла 12 ноября 1472 года, а уже на следующий день состоялась свадьба, чтобы успеть до начала приближающегося церковного поста. Коронационная церемония не была предусмотрена.

Молодая женщина должна была иметь недюжинный характер и смелость, чтобы решиться на брак с главой столь малознакомой страны, поэтому следует предположить, что Софья была девушкой не робкого десятка. Иван обладал весьма привлекательной внешностью: он был высок, худощав и вообще был красивым мужчиной, но женщины отворачивались от него, не выдерживая его взгляда. Он был чрезвычайно предан пьянству и после продолжительных обеденных пиров, согласно утверждению Герберштейна, впадал в пьяную спячку (обычай традиционной сиесты приветствовался еще великим князем Владимиром Мономахом)⁴⁴. Вполне вероятно, что Софье удавалось избегать полного затворничества, предписывавшегося русским женщинам знатного происхождения. Она, например, принимала иностранных послов. Как пишет Герберштейн, *«говорят, Софья была очень хитра, и по ее наущению князь делал многое»*⁴⁵. Ее приезд, сопровождавшийся переселением в Россию некоторого числа итальянцев и греков, несомненно, способствовал знакомству с западной культурой во многих областях. Согласно одному из сообщений, Софья была неприятно поражена тем, что ее муж стоял перед сидящими посланцами монгольской орды при

уплате дани, и именно она понудила его к стоянию на Угре в 1480 году, положившему конец официальной зависимости Руси от монголов.

С.М. Соловьев выдвинул теорию, гласившую, что Церковь, стремившаяся содействовать великим князьям Московским в достижении единовластия, на протяжении длительного времени старалась возвысить их над прочими князьями, но для успешного завершения этого процесса требовалось опереться на традиции Восточной Римской империи. Эти традиции были принесены в Москву Софьей Палеолог. *«Он [Иван III] первый получил название Грозного, потому что явился для князей и дружины монархом»*⁴⁶. Он поднял себя на недостигаемую высоту и заставил потомков Рюрика и Гедимина склоняться перед ним наравне с самыми смиренными из своих подданных. Именно он ввел обычай целовать великому князю руку, использовать слово «холоп» (крепостной или раб) при обозначении отношения всех прочих к великому князю и подписывать подаваемые донесения и челобитные уменьшительными именами, например, Ивашка вместо Иван. Современники Ивана III, продолжает Соловьев, думали, что это было вызвано влиянием Софьи, *«и мы не имеем никакого права отвергать их свидетельство»*⁴⁷. Похоже, что у нас может быть немало оснований, чтобы не доверять им, но князь А.М. Курбский, писавший в царствование Ивана IV, жаловался, что дьявол посеял в лучших русских княжеских родах дурные обычаи, как это было с царями Израиля, с помощью злокозненных жен-ворожей, особенно тех, что были взяты из чужих стран. Курбский постоянно обвиняет «греков» в том, что они подстроили гибель старшего сына Ивана III⁴⁸. Но быть может, самым пронизательным критиком Софьи был Берсень-Беклемишев (выходец из знатного рода, хотя и не носивший титул боярина), который в царствование Василия III якобы говорил монаху и писателю Михаилу Триволису, на Руси известному под именем Максима Грека⁴⁹: *«Как пришли сюда греки, так наша земля и замешалась; а до тех пор земля наша Русская жила в тишине и в миру. Как пришла сюда мать великого князя, великая княгиня София, с вашими греками, так наша земля и замешалась, и пришли нестроения великие, как и у вас в Цареграде при ваших царях»*. Когда Максим возразил, что родители Софьи принадлежали к знатнейшим фамилиям как по отцовской, так и по материнской линии, Берсень продолжал: *«Какова бы она ни была, да к нашему нестроению пришла. Которая земля переставляет обычаи свои, та земля недолго стоит, а здесь у нас старые обычаи великий князь переменил; так какого добра от нас ждате?»*⁵⁰.

Новые политические представления Ивана III нашли свое зримое выражение в широкомасштабной реконструкции городских зданий Москвы из кирпича и камня. Он перестроил в Кремле три собора: Благовещенский — для празднования царских рождений, Успенский — для коронаций и Архангельский — для погребений; он построил для себя подобающий дворец (Грановитую палату); заново возвел кремлевские стены, используя как русских, так и итальянских строителей, прибывших вместе с Софьей, и привлек к росписям церквей фресками лучших мастеров своего времени. Новый дворец служил пристанищем для нового, более сложно устроенного и строго упорядоченного двора, в котором были введены новые чины, разработаны церемонии обхождения с русскими и чужеземными посетителями, расширены и обезличены придворные службы⁵¹.

Можно утверждать почти наверняка, что Софья сказала свое слово в вопросе о наследовании трона. Она родила Ивану III пятерых сыновей и трех дочерей, так что у нее, без сомнения, была возможность выступать в роли ночной кукушки, хотя она жила отдельно, в женской половине, где именно — в точности мы не знаем. Понятно, что она помогла выразить и внешне оформить стремление Ивана к суверенитету и снабдила его, как и Василия III, сведениями о придворном церемониале Константинополя и Рима. В период с 1470 по 1533 год, когда умер Василий III, в России побывало много иностранцев, но больше всего возможностей для рассказов при дворе великого князя о том, как обстоят дела за рубежом, было именно у Софьи.

КОНЕЦ СВЕТА

Политический кризис последнего десятилетия царствования Ивана III окутан покровом тайны; он развертывался на фоне религиозного кризиса, сопровождавшегося появлением первого полного перевода Библии на церковнославянский язык и первыми казнями еретиков в России. Вкратце дело обстояло следующим образом. В 1497 году великий князь, лишившийся наследника — сына от первой жены Ивана, назначил наследником престола и короновал в качестве соправителя своего внука Дмитрия Ивановича, сына невестки, княгини Елены Молдавской⁵². Спустя два года были арестованы знатнейшие бояре великокняжеского двора — дядя Ивана III по материнской линии, бывший литовский князь (Гедиминович) Юрий Патрикеев и его сын Василий. Другие схваченные по

этому делу были казнены, но Патрикеевым была сохранена жизнь, хотя их заставили постричься в монахи, причем Василий принял имя Вассиан. Аресты, по-видимому, были связаны с трениями между сторонниками молодого Дмитрия, внука Ивана III, и Василия, старшего сына Софьи, из-за претензий на престол. Мать Дмитрия, княгиня Елена, помимо всего прочего, была тесно связана с группой так называемых *жидовствующих*, еретиков плохо поддающегося определению толка. Русские ученые вели бесконечные споры по поводу объяснения этих событий, но так и не пришли к удовлетворительному заключению⁵³.

Ересь жидовствующих, о которой мало что известно, впервые была замечена в Новгороде, где, по историческим свидетельствам, некоторые местные жители были обращены в иудаизм неким евреем Захарией, прибывшим в составе свиты литовского князя Михаила Олельковича⁵⁴.

Никому в точности не известно, в чем, собственно, заключалась суть учения жидовствующих, но они, вероятно, исповедовали скрытый антиклерикализм, рационализм и иконоборчество, тенденцию к упрощению культа, наконец, антитринитаризм или даже арианство*. Возможно, до них дошли отголоски идей гуситов. В то же время они могли испытывать воздействие еврейских мистиков или каббалистов, а также ознакомиться с некоторыми переводами еврейских книг, в большом количестве обращавшихся в Великом княжестве Литовском⁵⁵. Лиц, причастных к ереси, можно назвать очень мало, однако известно, что среди обращенных были придворные Ивана III, в том числе одна из самых заметных фигур — его невестка Елена Молдавская, а среди сочувствующих подобным взглядам называли Федора Курицына, ведущего дипломата, который предположительно привез на Русь «Повесть о Владе Цепеше», и даже самого Ивана III.

Явное распространение ереси заставило архиепископа Новгородского Геннадия, человека высоких интеллектуальных достоинств, применить против еретиков их собственное оружие и основать центр изучения «латинской», то есть католической, культуры и в то же самое время приступить к подготовке самого главного, по его мнению, средства борьбы с еретиками, а именно перевода всего текста Библии на церковнославянский язык⁵⁶. (Его надежда на то, что Иван создаст некое учреждение наподобие испанской инквизиции, оказалась

* Арианство — ересь, восходящая к раннему христианству и отрицающая равенство Христа с Богом-Отцом. Антитринитаризм — отрицание троичности божества.

тщетной.) Некоторые, хотя и не все, книги Старого и Нового Завета и апокрифы были доступны в виде отдельных рукописей или сборников, состоявших из различных, часто неполных книг; среди них отсутствовали «Хроники» («Паралипоменон»), первая, вторая и третья книги Ездры, часть Иезекииля и другие книги апокрифов⁵⁷. Движение жидовствующих набирало силу на фоне религиозных волнений, вызванных широко распространенным представлением о том, что в 1492 году, по завершении седьмого тысячелетия от сотворения мира согласно православному календарю, наступит конец света; а также ходившими в народе рассказами о тысячелетнем царстве. Опасения, вызванные непрерывным продвижением османов, уничтоживших последние остатки Восточной Римской империи и захвативших Константинополь, держали в крайнем напряжении всех тех, кого так или иначе затрагивали эти драматические события. Многие отождествляли турок с Антихристом, описанным в Апокалипсисе, а теперь пищу для этих страхов могли прибавить цитаты из славянской Библии. Не менее тревожным выглядел тот факт, что конец мира в 1492 году не наступил.

РУСЬ И ЕВРОПА

Крах Золотой Орды, наступление османов на Черном море и в Европе, Базельский и Ферраро-Флорентийский церковные соборы способствовали во второй половине пятнадцатого века значительному расширению контактов между Русью и другими европейскими государствами, в особенности в Юго-Восточной Европе, где две династии, соперничающие из-за земель в Польше, Чехии и Венгрии, Габсбурги и Ягеллоны, вследствие турецкой опасности оказались под угрозой. Этим объясняется завязывание дипломатических отношений с императорами Священной Римской империи (Фридрихом III и Максимилианом I), папством, османами и полузависимыми балканскими государствами. Оба императора искали сближения с Россией, чтобы обеспечить себе союзника в лице великого князя для борьбы против турок. Но Иван не собирался отклоняться от своей главной внешнеполитической линии — притязаний на приднепровские территории, которые он оспаривал у Польско-Литовского государства, причем обе державы старались опереться на поддержку крымских ханов в борьбе друг с другом. В правление Ивана III великому князю

удавалось поддерживать союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, и тот защищал его южные границы во время периодических войн с Польшей и Литвой⁵⁸.

Дипломатические обычаи и церемонии были выработаны Москвой в процессе сношений с мусульманскими татарскими ханствами, которые постоянно подчеркивали ее подчиненный статус и настаивали на досконально разработанном обмене дарами. Русские послы за рубежом частенько позволяли себе также заниматься торговлей привезенными с собой товарами — на Западе такая практика считалась непозволительной для их звания. В царствование Ивана III вопрос о превосходстве по отношению к западным странам поднимался нечасто, в то же время по-прежнему практиковалось ведение переговоров со Швецией и Ливонским орденом не в Москве, а через наместника в Новгороде. Иногда имели место и прямые переговоры между членами боярских советов Руси и Литвы, а переговоры с Портой обычно проходили в Каффе, но не в Стамбуле. К моменту смерти Ивана III Россия занимала прочное положение на дипломатической арене, на что западные историки обычно не обращают внимания⁵⁹.